

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ЛЕСОСЫРЬЕВЫХ РЕГИОНОВ***Галина Борисовна КОЗЫРЕВА^а, Александр Дмитриевич ВОЛКОВ^б**

^а доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Российская Федерация
kozyrevakrc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>
SPIN-код: 5947-2488

^б младший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Российская Федерация
kov8vol@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>
SPIN-код: 2133-8597

* Ответственный автор

История статьи:

Per. № 570/2019
Получена 26.08.2019
Получена в доработанном
виде 15.09.2019
Одобрена 05.10.2019
Доступна онлайн
14.02.2020

УДК 332.142.4;630.9
JEL: Q23, Q58, Q56

Ключевые слова:

лесосырьевые
территории, устойчивое
лесоуправление,
социальная устойчивость,
лесная сертификация,
социальный капитал

Аннотация

Предмет. Статья посвящена исследованию проблем формирования институтов устойчивого развития лесосырьевых территорий (на примере Республики Карелия).

Цели. Оценка качественных аспектов развития института лесной сертификации через анализ поведения бизнеса и практик участия населения лесных районов Республики Карелия в процессе лесопользования.

Методология. Методологический подход исследования основан на концепции устойчивого развития и модели устойчивого лесопользования. Основной акцент делается на социальный компонент, включающий такие составляющие, как качество человеческого капитала и качество социального капитала, которые оцениваются с точки зрения способности и готовности местных сообществ участвовать в лесопользовании. Эмпирической базой исследования служат данные экономико-социологического обследования ряда лесосырьевых районов Республики Карелия, реализованного в 2018 г.

Результаты. Результаты исследования практик лесного бизнеса Республики Карелия в процессе лесопользования демонстрируют следующие проблемы. Во-первых, неэффективные формальные институты в настоящее время фактически не создают законных условий для реализации населением его прав, согласующихся с принципами устойчивости. Во-вторых, поведение лесных компаний не соответствует критериям устойчивости, что не препятствует получению лесного сертификата.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы для обоснования и разработки актуальных инструментов лесной политики.

Вывод. Исследование раскрывает латентные проблемы функционирования института лесной сертификации. Заложенный в соответствии с его критериями в экономические стратегии и практики лесных компаний принцип социальной компенсации зачастую не реализуется. Лесной сертификат, как инструмент управления, предполагает ряд гарантий для местных жителей – как в отношении занятости на сертифицированных предприятиях, так и в отношении различных видов пользования благами леса. Низкая оценка населением экологических и социально-экономических аспектов лесопользования на территориях проживания и, более того – неосведомленность жителей о лесном сертификате как об инструменте защиты их прав может свидетельствовать как о нивелировании его институционального значения, так и об искажениях в работе самого институционального механизма лесной сертификации.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Козырева Г.Б., Волков А.Д. Институциональные проблемы и перспективы развития северных лесосырьевых регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 307 – 325.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.2.307>

Радикальные трансформационные процессы, которые произошли в российском обществе за последние 28 лет, привели к изменению его институциональной структуры. Социальные системы подверглись масштабному реформатированию. С началом рыночных реформ государство устранилось от участия в решении социальных проблем местных сообществ, особенно удаленных лесосырьевых территорий. В то же время бизнес-компании, сконцентрировав в своих руках реальную власть над ресурсами территорий, не взяли на себя социальных обязательств по их поддержанию. Их цели были связаны с получением лесной ренты. Данные процессы послужили толчком к развитию глубокого социального кризиса, сопровождающегося падением уровня жизни населения, депривацией, миграцией наиболее активной и дееспособной части населения и маргинализацией оставшихся жителей лесных поселков. Социальный кризис обострил проблему социального неравенства, обусловленную практически уничтожением институтов социальной политики. В местных сообществах удаленных лесосырьевых территорий остро обозначались проблемы девальвации, а затем и деградации человеческого и социального капитала [1].

Лесная политика России на протяжении 70 лет способствовала существенному истощению природного капитала лесосырьевых регионов. Сегодня ситуация еще более усложнилась. Вместе с тем лесные ресурсы продолжают приносить институциональную ренту некоторым социальным группам на фоне деградации населения бывших лесных поселков. В настоящее время усилилась актуальность поиска путей и способов решения проблем развития лесосырьевых

территорий. Данные вопросы имеют особую остроту применительно к северным регионам России.

Республика Карелия богата природными ресурсами: леса, полезные ископаемые, реки и озера могут служить сырьевой базой для развития диверсифицированной экономики. Но социальная структура лесосырьевых районов региона крайне неблагоприятна. Отток молодежи из-за отсутствия рабочих мест и существенного снижения качества жизни сопровождается резким сокращением рождаемости. Трудоспособное население не имеет стабильной занятости, распространена занятость вахтовой. Наблюдается процесс старения населения, происходит обезлюживание территорий, при этом местное население не является стейкхолдером их развития. Природный потенциал не обеспечивает экономического развития территорий и не обуславливает улучшения благосостояния населения.

Республика Карелия, являясь северным периферийным регионом, находится в состоянии выбора – либо поддержание существующей экономической модели за счет экстенсивного вовлечения все новых ресурсов в хозяйственный оборот, что грозит не только потерей природных ресурсов, но и человеческого капитала региона. Либо переход на инновационные модели развития, ориентированные на интенсивный способ хозяйствования, что послужит прочным экономическим фундаментом поддержания устойчивости социума. В данном контексте актуализируется поиск институтов, нацеленных на развитие лесосырьевых территорий.

Теоретической основой исследования является концепция устойчивого развития, постулирующая баланс трех составляющих: экономической, социальной и экологической.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН «Институты и социальное неравенство в условиях глобальных вызовов и региональных ограничений», тема № 0218-2019-0090.

Доминирование экономических принципов в лесопользовании, имеющее много сторонников среди бизнеса и структур власти, зачастую снижает ценность экологических и социальных потребностей общества. В то же время завышенные экологические нормативы могут стать угрозой его социальной и экономической стабильности. Функцию индикатора, свидетельствующего о наличии баланса между тремя составляющими устойчивости, по нашему мнению, выполняет социальная устойчивость. Именно состояние социальной системы в первую очередь говорит о нарушениях, происходящих и в экономической, и в экологической системах [2].

С точки зрения экономической теории идеи устойчивости имеют общие истоки с принципами «парето-улучшения», предложенными в начале XX в. итальянским ученым В. Парето. Согласно Парето, из множества вариантов распределения факторов производства, оптимальным можно считать вариант, который является наилучшим для всех акторов [3]. Принцип «парето-оптимизации» согласуется с принципом обязательной компенсации Калдора – Хикса, в соответствии с которым все социальные группы, понесшие ущерб от изменения экономической структуры общества должны получить адекватную компенсацию: *«Переход от одного состояния экономики к другому представляет собой улучшение общества, если те индивиды, которые получили повышение благосостояния, компенсируют потери, понесенные другими; при этом должен сохраниться общий уровень благосостояния, по крайней мере, равный исходному»* [4].

Концепция устойчивого развития нашла свое законное место в модели устойчивого лесопользования, в формировании которой активную позицию занимают Н. Моисеев [5–7], А.П. Петров [8], В.Н. Петров и др. [9], А.И. Писаренко, В.В. Страхов и др. [10, 11].

Модель базируется на принципах соблюдения интересов местных сообществ, лесных компаний и субъектов лесопользования в

процессе их участия в лесопользовании, которое должно осуществляться без ущерба природным характеристикам лесов и социуму. Таким образом, разработанная в рамках концепции устойчивого развития (УР) модель устойчивого лесопользования включает наработанные и операционализированные способы решения многих социально-экономических проблем лесосырьевых территорий.

По мнению И. Шутова, устойчивое лесное хозяйство имеет три цели или три группы целей. Три измерения могут по-разному реализовываться в зависимости от места, времени, уровня (лес, местный, региональный, национальный уровни и т.д.), но, тем не менее, в целом лесное хозяйство вряд ли можно считать устойчивым, если не выдерживаются минимальные требования каждого аспекта [12]. Социальную устойчивость некоторые авторы рассматривают через культурные и духовные потребности человека. Так, П. Раннико выделяет особую категорию «культурной устойчивости», рассматривая ее в составе социальной устойчивости [13].

Методологический подход данного исследования расширяет рамки использования концепции устойчивого развития и модели устойчивого лесопользования, делая основной акцент на социальный компонент, включая в него такие составляющие, как качество человеческого капитала и качество социального капитала, которые оцениваются через способность и готовность местных сообществ участвовать в лесопользовании.

Основой устойчивого развития территорий в долгосрочной перспективе является согласование социально-экономических приоритетов и целей расширенного воспроизводства человеческого капитала¹ [14, 15]. Решая управленческую задачу максимизации человеческого капитала, можно воздействовать на человеческий капитал индивидов через социальный капитал –

¹ Goldin C. Human Capital. Handbook of Cliometrics. Diebolt C., Haupt M. (eds). Heidelberg, Germany, Springer Verlag, 2016, pp. 55–86.

институты, определяющие качество взаимодействия людей на территории. В свою очередь, активно развивающийся социальный капитал формирует предпосылки для развития человеческого капитала, повышая не только социальную, но и экономическую активность местных сообществ [16]. Основные решения по лесоуправлению должны приниматься с учетом позиции как отдельного социального актора, так и общественного мнения.

Одним из институтов устойчивого лесоуправления является лесная сертификация, в основу которой, по нашему мнению, латентно заложена компенсационная идеология. Институт лесной сертификации должен стать компенсаторным механизмом возврата местному населению доли лесной ренты [4]. Реализуя социальную политику на основе принципов устойчивого развития, лесной бизнес формирует условия для поддержания и развития человеческого и социального капитала местных сообществ.

Концептуальной основой лесной сертификации является модель лесопользования, в которой должен быть соблюден баланс между интересами хозяйствующих субъектов, которые не ущемляются и сохраняются на максимально возможном уровне, а также интересами общества, связанными с получением дополнительных прямых и косвенных социальных эффектов.

Лесной сертификат свидетельствует о том, что лес заготовлен без ущерба природе и социуму. Результатом функционирования института лесной сертификации является создание основы экономически доходного, экологически безопасного, социально ответственного управления лесами, что создает благоприятные условия для формирования институционализированных социально-экономических отношений между местными сообществами и лесными компаниями. Эти отношения должны соответствовать принципам и критериям устойчивого развития, а значит, быть прозрачными, устойчивыми во времени и

отражать интересы всех акторов, причастных к системе лесопользования.

Одним из основных принципов лесной сертификации является социальная ответственность бизнеса [17]. Лесные компании обязаны реализовывать на территории своего присутствия социальную политику, которая в конечном итоге должна стать компенсацией за использование природных ресурсов. Так как лесная рента в настоящее время не имеет легитимной основы, лесной бизнес должен отдать ее часть местному населению через социальную компенсацию, а именно предоставить: право участия в лесоуправлении; рабочие места; право на обучение и переобучение; дополнительные социальные услуги и др.

Реализация социальной компенсации возможна при условии, когда существует обоюдная готовность как со стороны бизнеса, так и со стороны местного населения стать эффективными акторами лесоуправления. Социальная активность населения является индикатором формирования и развития социального капитала² [18]. На начальной стадии этого процесса формируются социальные представления о происходящих социально-экономических изменениях, далее – социальные установки, а затем индивидуальные и групповые стратегии действия, ориентированные в дальнейшем на реализацию конкретных активных или пассивных практик поведения в сложившихся условиях.

Результаты исследований показывают, что социальная активность населения лесосырьевых районов Республики Карелия носит преимущественно локальный характер. *«Люди, живущие в лесных поселках, оторваны пространственно и ментально от «большого мира». С началом реформ произошел процесс вынужденной локализации местных сообществ, вызванный разрывом установившихся социально-экономических*

² Bourdieu P. The Forms of Capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. J. Richardson (Ed.). New York, 1986, pp. 241–258.

связей. Люди стали менее мобильны, в первую очередь по экономическим причинам. В этих условиях роль местной инициативы, как социального ресурса, значительно повышается, и ее использование было бы логичным. Однако на практике это происходит крайне редко» [19].

Критерии устойчивого развития обязывают создавать условия для вовлечения местных сообществ в широкие общественные инициативы, направленные на корректировку процессов лесопользования в сторону получения от них социальных эффектов. В западных странах население широко привлекается к вопросам, связанным с развитием лесного хозяйства. Сформированные практики участия населения создают основу социального капитала местных сообществ, что позволяет контролировать деятельность бизнеса на территории присутствия. В таких условиях быстрее складываются партнерские отношения. Население становится реальным стейкхолдером в процессе лесопользования.

Возможность участия населения лесосырьевых территорий Республики Карелия в процессе лесопользования исследовалась в рамках экономико-социологического опроса лесосырьевых районов республики (рис. 1).

Результаты исследований демонстрируют рефлексию населения на качество лесного законодательства. Почти 40% ответов отражают мнение респондентов о неэффективном законодательстве. Существующий правовой режим не создает условий для привлечения населения к решению вопросов в сфере лесного хозяйства. Большинство респондентов считают Лесной кодекс «неправильным законом». Около 1/4 ответов связывают мнение респондентов с невозможностью населения участвовать в процессе лесопользования из-за низкого уровня информированности и неактивности местных сообществ, что свидетельствует о недостаточном уровне их человеческого и социального капитала. Положительные

позиции имеют два полюса. Возможность участия в лесопользовании при наличии грамотности рассматривается в 7% ответов. Та же возможность не исключается почти в 10% случаев, но при наличии денег и связей, что придает такой оценке негативный характер. В 5% случаев респонденты все-таки считают, что если будут найдены формальные основания, то возможность участвовать в лесопользовании у населения появится. То есть у некоторых жителей лесосырьевых территорий существует надежда на то, что в будущем появится «правильный закон». Следует отметить, что 30% ответов говорят об отсутствии мнения о качестве лесного законодательства.

В целом можно говорить о том, что население детально не знакомо с лесным законодательством и имеет о нем только общее представление. В действующий Лесной кодекс включено право «участия граждан, общественных объединений в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на леса при их использовании, охране, защите, воспроизводстве, в установленных законодательством Российской Федерации порядке и формах» (Лесной кодекс РФ, 2006, ст. 1, п. 7). Но, к сожалению, данное право имеет чисто декларативный характер. Таким образом, лесной закон не выполняет своих функций, так как не создает институциональных условий для реализации населением прав, согласующихся с принципами устойчивости. Недостаточные информированность и грамотность препятствуют развитию новых социальных норм и традиций, согласующихся с принципами устойчивого развития в части активного участия местного населения в процессе лесопользования.

Самое распространенное мнение населения о неэффективном лесном законе, который не позволяет ему реализовывать свои права, подтверждается ответами на вопрос о достаточности роли местных сообществ в процессе лесопользования (рис. 2).

Среди опрошенных жителей лесосырьевых районов Республики Карелия доминирующее большинство (94% респондентов) очень низко оценивают свою роль в процессе лесопользования. Вместе с тем жители лесных поселков активно артикулируют потенциальное содержание этой роли (рис. 3).

Распределение ответов представлено двумя группами интересов – утилитарными и общественными (56 и 42%, соответственно). Самые важные и злободневные вопросы, которые должны контролироваться самим населением (с его точки зрения) связаны с незаконными рубками и тем ущербом, который наносится лесам в результате нарушения природоохранных норм. Данная позиция не только озвучивается, но и реализуется активными представителями местного населения, например, через участие в дискуссиях (зачастую очень острых) с властью и бизнесом по вопросам, связанным с прекращением разработки карьеров. При этом одна из таких дискуссий имела высокий социально-экономический эффект. Также известны факты добровольного контроля за «черными лесорубами». Таким образом, роль местного населения в процессе лесопользования, несмотря на негативную реакцию респондентов, начинает оформляться и имеет перспективы к развитию.

В данном контексте важны предпосылки формирования в местных сообществах социальных представлений и установок участия населения в лесопользовании, а также путей повышения его роли в данном процессе (рис. 4).

Результаты исследования дают основания утверждать, что в установках местных жителей появляется фактор значимости человеческого и социального капитала. Об этом свидетельствует представленное большинством (почти 70%) респондентов мнение о необходимости повышения образовательного уровня и юридической грамотности. Кроме того, почти в 40% ответов отражена важность повышения гражданской позиции в решении вопросов лесопользования.

Пассивная позиция («просто человеку это не надо») отражена в 5,7% ответов опрошенных жителей. Тем не менее подавляющее большинство респондентов (94%), которые оценивают свою роль в процессе лесопользования, как недостаточную (см. рис. 2), активно включаются в дискуссию о возможностях повышения своего влияния на лесные отношения. Таким образом, результаты исследования позволяют оценивать происходящие процессы в лесопользовании, связанные с участием местного населения, как позитивную перспективу, проявляющуюся не только на стадии социальных установок, но и частично на стадии стратегий и социальных практик.

Требования международного рынка, обязывающего лесные компании в своей деятельности опираться на принципы устойчивого лесопользования, требуют от российских компаний включаться в процесс сертификации. Данные, представленные на рис. 5, показывают развитие лесной сертификации на территории Республики Карелия: изменение числа предприятий, получивших сертификаты лесопользования FSC, а также изменение площади лесного фонда, находящегося в аренде у этих предприятий. Мы можем говорить о выраженной положительной динамике рассматриваемых показателей. Но, несмотря на широкое распространение лесной сертификации на территории Республики Карелия (на 1 сентября 2019 г. сертифицированными являются леса на 38,6% площади лесного фонда Карелии)³, данные проведенного социологического исследования не выявили ощутимых социальных эффектов, по крайней мере, по оценкам самих жителей лесосырьевых территорий.

В проведенном исследовании была оценена степень информированности местного населения об институте лесной сертификации и его основных функциях (табл. 1).

³ Рассчитано авторами по данным: Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 2018 г. Петрозаводск: Министерство природных ресурсов и экологии Республики Карелия, 2019. 314 с.

Результаты опроса демонстрируют крайне низкую информированность местного населения по данному вопросу. Институт лесной сертификации является важнейшей нормативной основой, которая позволяет создавать на территориях благоприятные условия для развития местных сообществ и включения местных жителей в решении вопросов по лесам. Он сформирован и работает в России уже более двадцати лет. Между тем, почти 80% респондентов не смогли ответить на вопрос, что такое лесной сертификат. Такая низкая информированность свидетельствует об отсутствии в регионе коммуникаций между населением, бизнесом и местной властью. Следует отметить, что опрос проводился на территории, где функционируют предприятия, имеющие лесной сертификат.

Как уже было отмечено, в соответствии с принципами устойчивости, лесной бизнес должен отдать часть лесной ренты местному населению через социальную компенсацию, одним из элементов которой является «обеспечение местного населения рабочими местами». Данный критерий является важнейшей составляющей социальной ответственности бизнеса.

В соответствии с этим критерием социально ответственное предприятие поддерживает местную занятость и расширяет возможности для наемных работников в повышении профессионально-квалификационного уровня. Тем самым лесные компании создают инвестиции в человеческий капитал. Обеспечивая открытость информации об общественно значимых сторонах деятельности предприятия, соблюдая социальные права персонала предприятия, а также права местного населения на доступ к лесным ресурсам, они инвестируют в социальный капитал.

В одном из самых распространенных стандартов лесной сертификации – FSC предлагаются следующие индикаторы,

свидетельствующие о выполнении данного критерия:

- предприятие проводит активную политику по найму работников из местного населения;
- предприятие проводит политику профессиональной подготовки новых кадров из местного населения⁴.

Результаты опроса позволили оценить политику занятости лесных компаний Республики Карелия как несоответствующую принципам устойчивости, что отражено на *рис. 6*.

Практически в 60% ответов респондентов говорится об отсутствии приоритетного права у местного населения получить работу в лесной компании. Условия, которые предъявляет работодатель, значительно сужает диапазон возможностей для многих местных жителей. Практика найма местного населения имеет ограниченный характер, профессиональная подготовка новых кадров из местного населения практически отсутствует. Как показала российская практика, лесные предприятия в процессе сертификации сталкиваются со следующими претензиями со стороны аудиторских фирм при оценке критерия, связанного с обеспечением занятости местного населения.

1. Предприятия, работающие вахтовым методом, не нанимают на работу местных жителей.
2. Предприятия не занимаются обучением и переподготовкой местных жителей в целях их последующего трудоустройства.
3. Предприятия привлекают рабочую силу из стран СНГ.
4. Предприятия, высвобождая ненужных работников за счет модернизации производства, не предоставляют бывшим сотрудникам других рабочих мест и не

⁴ Чучуров В. Различные системы сертифицирования: правильный выбор.
URL: <http://drevesina.com/materials/http/09/b157>

оказывают им помощь в трудоустройстве и переподготовке.

5. Предприятия не в полном объеме выполняют добровольно взятые на себя социальные обязательства⁵.

Новые технологии, которые активно используются компаниями в настоящее время, требуют высококвалифицированных кадров. Вместе с тем нужно учитывать проблемы, связанные с качеством населения, проживающего на территории, которое существенно снизилось за последние 30 лет. Ответственность за это должны разделить и государство, и бизнес. Причем, решение проблем занятости населения депрессивных территорий лежит на пересечении функционирования системы институтов – таких, как частно-государственное партнерство во взаимосвязи с лесной сертификацией. Вместе с тем следует отметить, что государство пока не готово предлагать адекватные модели, а лесной бизнес пока не заинтересован активно участвовать в таких взаимодействиях.

Оценка социальной политики лесного бизнеса в отношении своего персонала на соответствие принципам устойчивости также свидетельствует о пассивном поведении бизнес-компаний (рис. 7).

Из всего набора показателей выделяется «ежегодный профосмотр». Остальные услуги представлены примерно в 10% случаев; это говорит о том, что сегодня бизнес не ставит в качестве ключевой цели реализацию социальной политики на территории присутствия. Критерии внутренней социальной ответственности выполняются очень дозированно. Социальная поддержка территории, где бизнес функционирует, также является одним из критериев социальной ответственности бизнеса. Мнение населения по данному вопросу отражено на рис. 8.

Результаты опроса показывают, что лесные компании прибегают в основном к

традиционным менее затратным формам социальной помощи – обеспечением дровами, ремонтом и чисткой дорог, а также поздравлениями ветеранов войны. Остальные сферы практически не являются приоритетными. Вместе с тем для успешной деятельности бизнесу требуется лояльность местных властей и населения. Обеспечить эту лояльность можно, принимая участие в решении насущных социальных проблем территории, в чем бизнес пока не проявляет необходимой активности.

В данном контексте оценка населением степени соответствия политики лесных компаний критерию социальной ответственности носит скорее негативный характер, что отражено на рис. 9.

Результаты исследования подтверждают ранее выдвинутую авторами гипотезу. Анализ поведения лесных компаний Республики Карелия позволил сформулировать следующие факторы, определяющие их поведение в соответствии с критериями социальной ответственности:

- 1) включенность в социальную сеть местного сообщества;
- 2) экономические показатели предприятия;
- 3) технология производства;
- 4) социальная зрелость;
- 5) политика занятости в районах присутствия лесного бизнеса;
- 6) ориентация на мировые стандарты рынка [20].

В настоящее время лесные компании, начиная процесс сертифицирования лесов, не всегда располагают всем комплексом факторов для его реализации. Самыми узкими местами являются включенность в социальную сеть, социальная зрелость и политика занятости. Вместе с тем функцией института лесной сертификации является стимулирование бизнеса вкладывать инвестиции в природный, человеческий и социальный капитал. В соответствии с принципом Колдера – Хикса

⁵ Паутов Ю.А., Засухин, Д.П., Клочихин А.Н. и др. FSC сертификация в России: практические решения. Пособие для работников лесной отрасли. Сыктывкар: Коми региональный некоммерческий фонд «Серебряная тайга», 2007. 144 с.

лесной бизнес должен отдать часть лесной ренты местному населению через социальную компенсацию, а именно предоставить: право участия в лесопользовании; рабочие места; право на обучение и переобучение и др.

В реальной ситуации лесной бизнес не ставит в качестве приоритетной цели эффективную социальную компенсацию за пользование лесными ресурсами, то есть не демонстрирует активной социальной роли. В то же время лесной сертификат, как инструмент управления, предполагает ряд гарантий для местных жителей – как в отношении занятости на сертифицированных предприятиях, так и в отношении различных видов пользования благами леса. Низкая оценка населением экологических и социально-экономических аспектов лесопользования на территориях проживания и, более того, неосведомленность жителей о лесном сертификате, как об инструменте защиты их прав, может свидетельствовать как о нивелировании его институционального значения, так и об искажениях в работе самого институционального механизма лесной сертификации.

В целом можно сказать, что сегодня существует как теоретическая, так и практическая основа формирования

компенсационных институтов развития лесосырьевых территорий, которые нацелены на развитие новых моделей социального диалога и компромисса между государством, бизнесом и местными сообществами.

Функционирование института лесной сертификации пока нельзя назвать эффективным. Сформированные в системе лесной сертификации институциональные условия по умолчанию позволяют лесным компаниям не ставить в качестве приоритетной цель эффективной социальной компенсации за пользование лесными ресурсами, что противоречит принципам устойчивого развития. Местные сообщества не получают должного социального эффекта, что, тем не менее, не препятствует получению компаниями лесного сертификата.

Необходима разработка новых инструментов лесной политики, ориентированных на: усиление контроля за аудиторскими компаниями, которые принимают решение о выдаче лесного сертификата; разработку дополнительных стимулов и преференций для лесного бизнеса, участвующего в лесной сертификации; поддержку общественных инициатив местных сообществ по вопросам лесного хозяйства.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос «Знаете ли Вы, что такое лесной сертификат?»

Table 1

Respondents' feedback on the question, *Do You Know What a Forest Certificate Is?*

Определение лесного сертификата	Доля респондентов, %
Это документ, который подтверждает, что лесной бизнес работает без нарушений (платит налоги, соблюдает природоохранное законодательство и т.п.)	12,8
Это документ, который подтверждает, что лесной бизнес работает не только в своих интересах, но и в интересах местного населения (создает рабочие места, помогает школам, ремонтирует дороги и т.п.)	3,8
Это документ, который дает дополнительные возможности самому бизнесу выгодно продавать лес за рубежом	5,5
Затрудняюсь ответить	77,9

Источник: авторская разработка

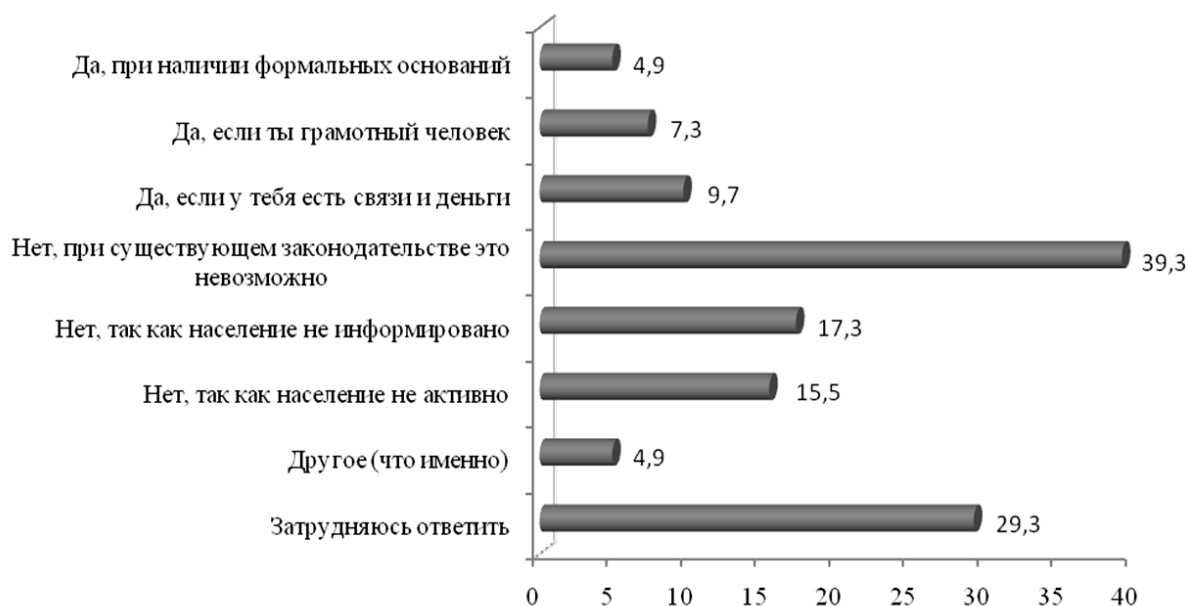
Source: Authoring

Рисунок 1

Существует ли в России возможность у граждан участвовать в управлении лесами? (% ответов, 2018)

Figure 1

Do the Russian People Have an Opportunity to Take Part in Forest Management? (percentage of respondents, 2018)

Источник: авторская разработка

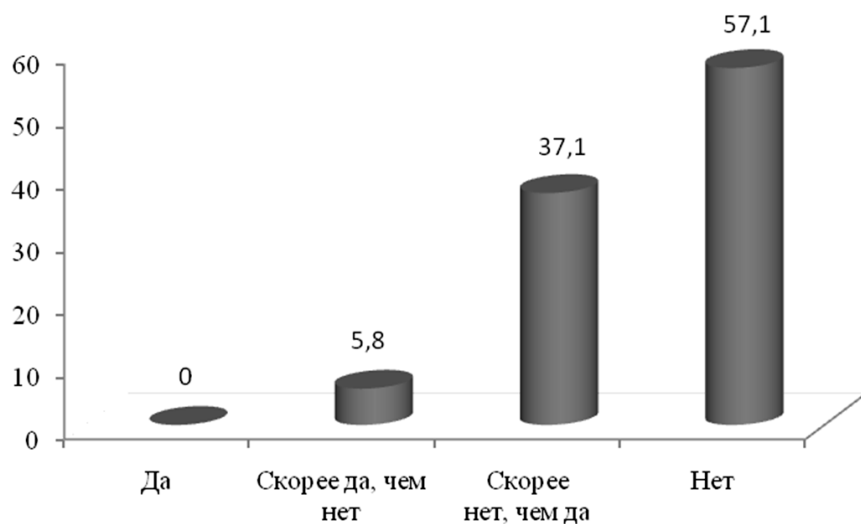
Source: Authoring

Рисунок 2

Как вы считаете, достаточную ли роль играет население в управлении лесными ресурсами? (% респондентов)

Figure 2

Do You Think People Are Sufficiently Involved in Forestry Management? (percentage of respondents)

Источник: авторская разработка

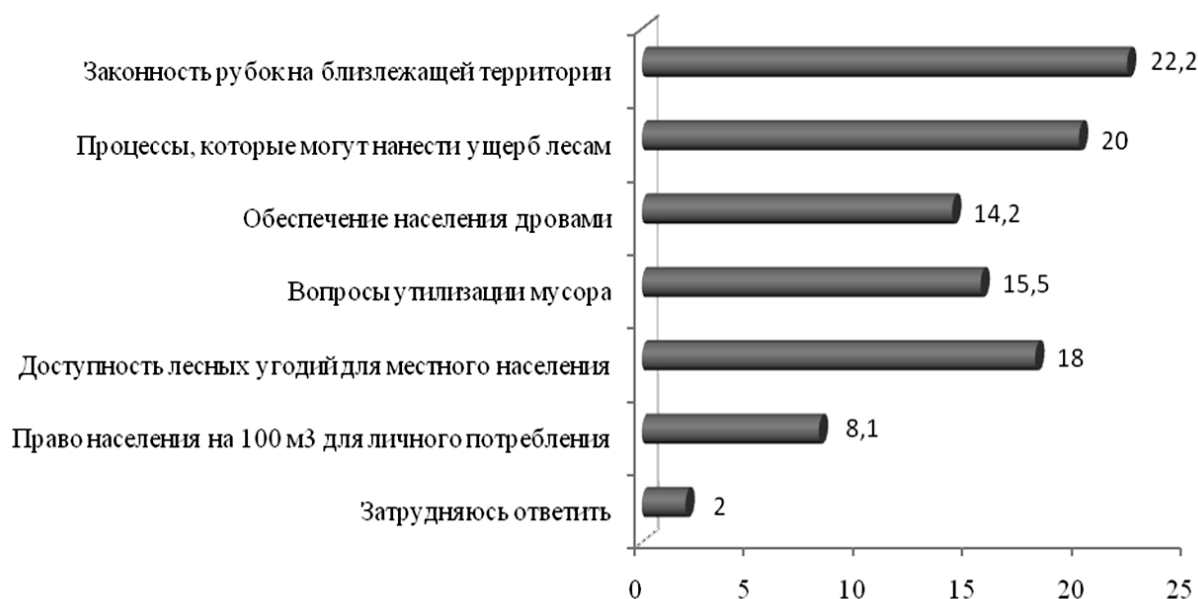
Source: Authoring

Рисунок 3

Какие вопросы, по вашему мнению, должно решать (контролировать) местное население в отношении управления лесами? (% респондентов)

Figure 3

What Issues, in Your Opinion, Should Local People Decide on (Control) Concerning Forest Management? (percentage of respondents)

Источник: авторская разработка

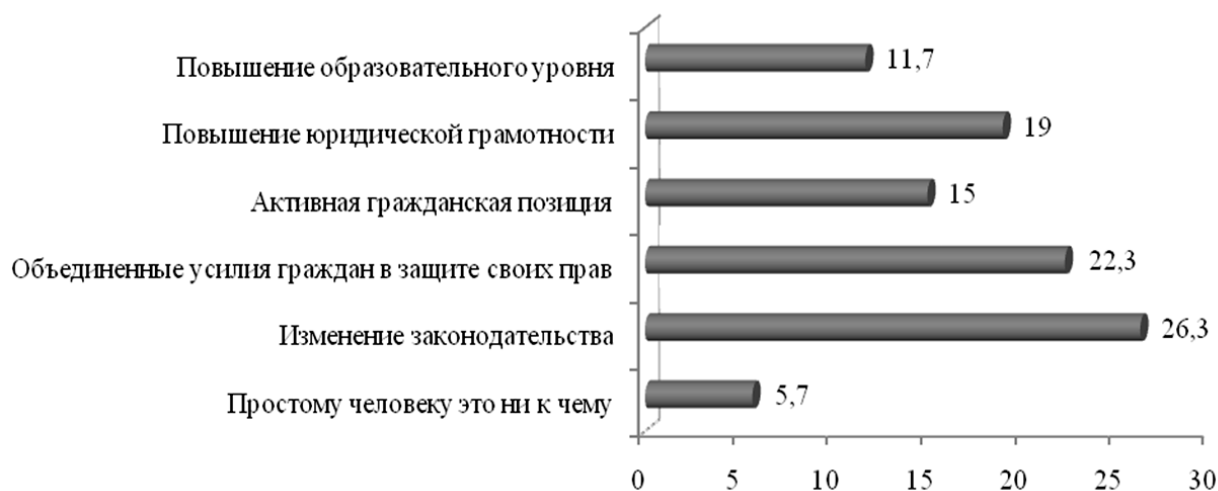
Source: Authoring

Рисунок 4

Как вы считаете, благодаря чему население может повысить свое влияние в лесных отношениях? (% респондентов)

Figure 4

What, in Your Opinion, Can Help People Get More Involved in Forest Management Relations? (percentage of respondents)

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 5

Число действующих сертификатов FSC на территории Республики Карелия и площадь сертифицированных лесов в 2013 и 2019 гг.

Figure 5

The number of effective FSC certificates in the Republic of Karelia and the area of certified forest in 2013 and 2019

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 6

Предоставляет ли лесной бизнес, работающий на Вашей территории, рабочие места для местного населения? (% ответов)

Figure 6

Do Forest Businesses Operating in Your Locality Provide Job Opportunities for Local People? (percentage of respondents)

Источник: авторская разработка

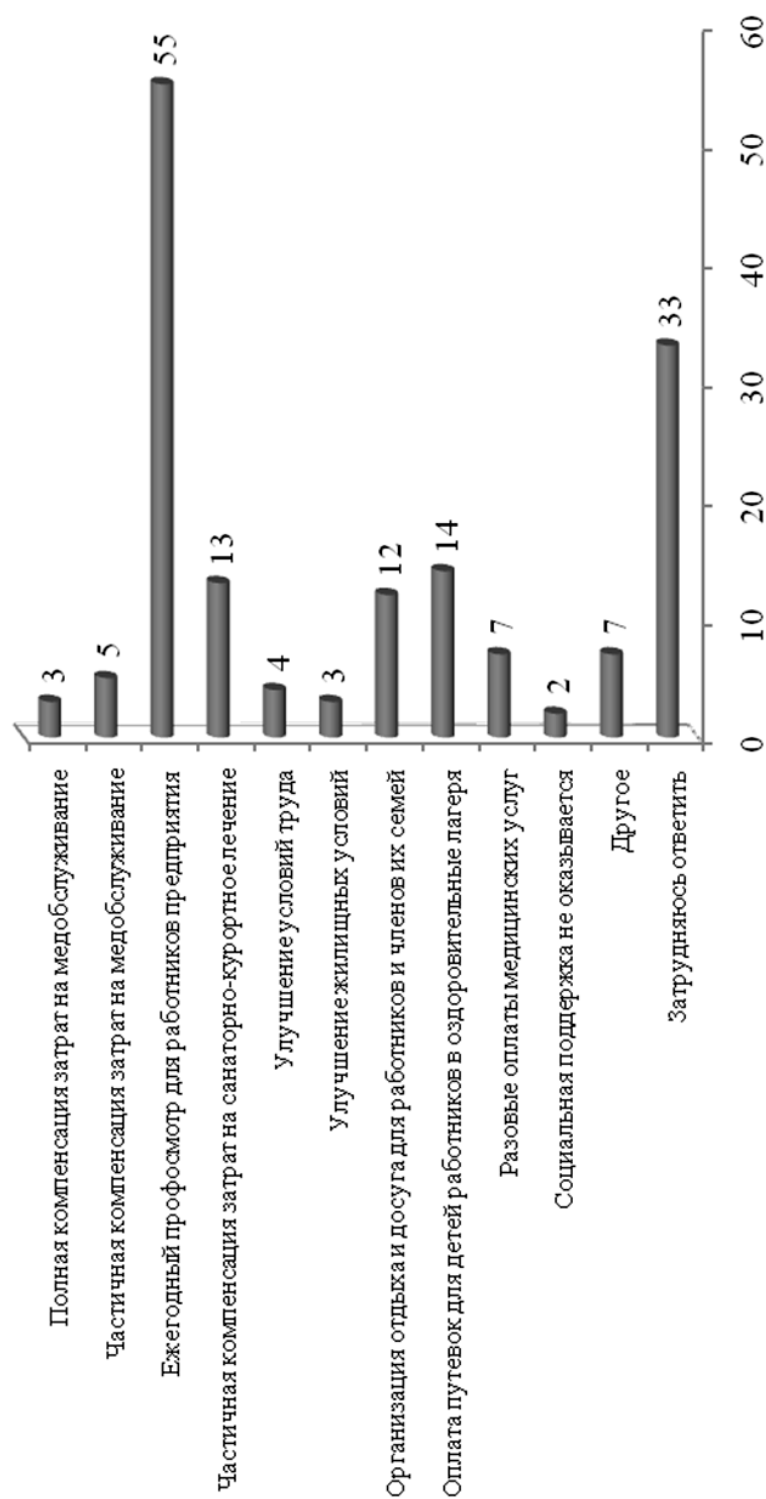
Source: Authoring

Рисунок 7

Какие виды социальной поддержки работникам предприятия оказывает лесной бизнес? (% ответов)

Figure 7

What Types of Social Support Do Forest Businesses Give to Employees? (percentage of respondents)

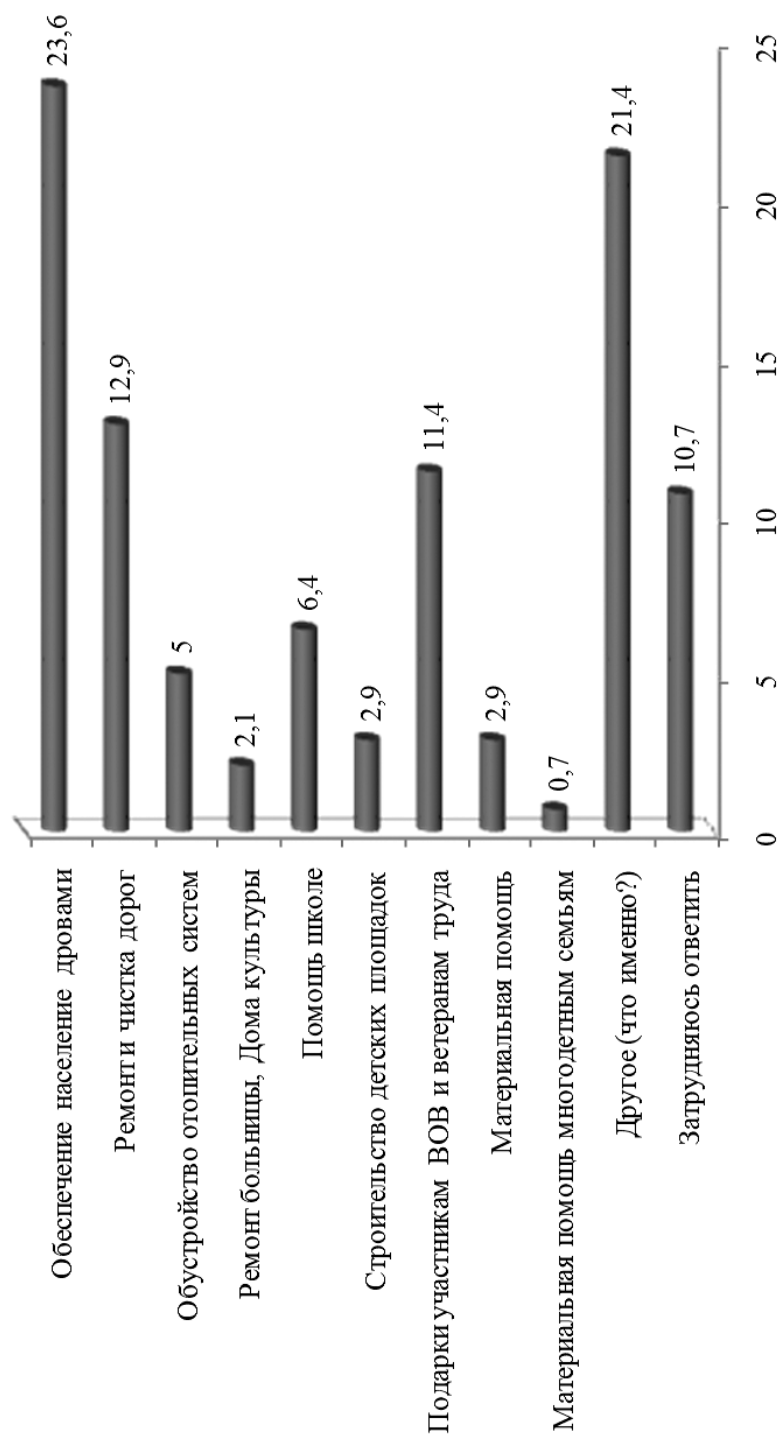
Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 8

Какие виды социальной поддержки оказывает лесной бизнес для развития территории? (% ответов)

Figure 8

What Types of Social Support Do Forest Businesses Contribute to Local Development? (percentage of respondents)

Источник: авторская разработка

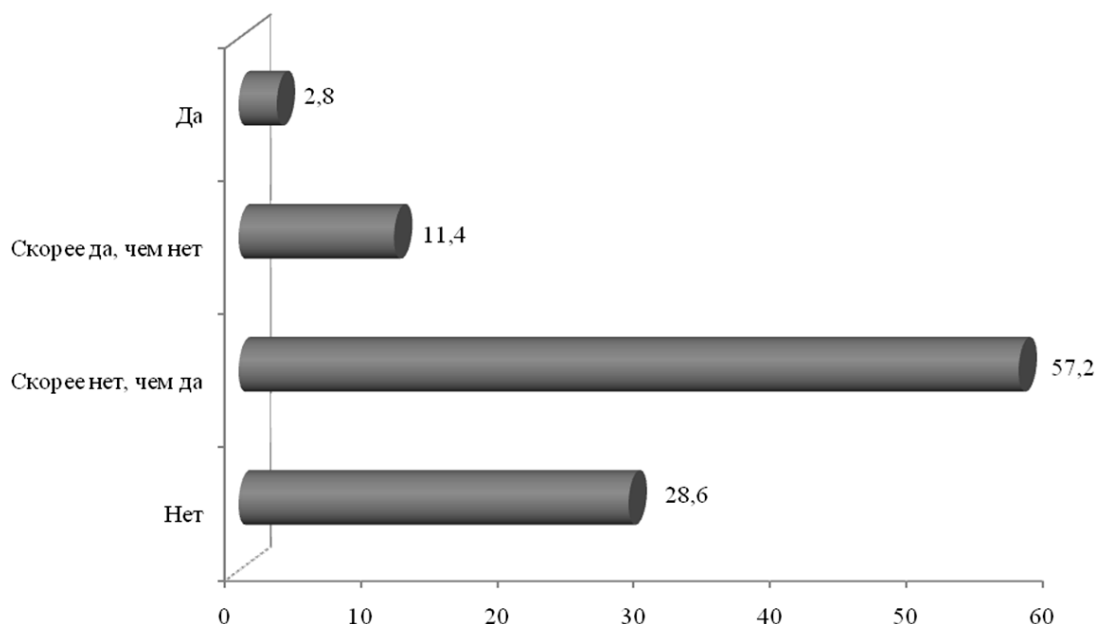
Source: Authoring

Рисунок 9

Можете ли Вы сказать, что предприятие, работающее на Вашей территории, социально ответственное?
(% респондентов)

Figure 9

Can You Qualify the Entity Operating in Your Locality as Socially Responsible? (percentage of respondents)

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Сухарев М.В., Белая Р.В. Депрессивные территории России: институциональные модели развития и методологические подходы исследования // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 1. С. 1–14.
URL: <http://dx.doi.org/10.15862/68EVN116>
2. Козырева Г.Б. Институциональные проблемы лесосырьевых территорий российских регионов // Экономический анализ: теория и практика. 2016. Т. 15. Вып. 5. С. 54–63.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-problemy-lesosyrievykh-territoriy-rossiyskih-regionov/viewer>
3. Никитин А.П., Чернавская О.Д., Чернавский Д.С. Распределение Парето в динамических системах, находящихся в шумовом поле // Труды института общей физики. 2009. Т. 65. С. 107–123. URL: https://old.gpi.ru/trudif/Vol_65/Nikitin.pdf
4. Хикс Д.Р. Четыре излишка потребителя. В кн.: Вехи экономической мысли / сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. СПб: Экономическая школа, 1999. С. 190–207.
5. Моисеев Н.А. О стратегии развития лесного сектора экономики России // Лесное хозяйство. 2008. № 5. С. 2–6.
6. Моисеев Н.А. Лесные дела в России. Что дальше? // Лесное хозяйство. 2012. № 6. С. 6–11.
7. Моисеев Н.А. Лесные отношения и рентные платежи. В кн.: Природные ресурсы в системе государственных финансов России. М.: Изд-во РАСХН, 2000. С. 94–97.

8. Петров А.П. Экономическая организация использования лесов России в условиях рыночных отношений // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2013. № 4. С. 42–44.
9. Петров В.Н., Ильин В.А., Гавриленко В.И. Экономико-правовые отношения в управлении лесами и лесохозяйственном производстве. СПб: Изд-во ЛТА, 2003. 200 с.
10. Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от использования к управлению. М.: Юриспруденция, 2005. 551 с.
11. Страхов В.В., Писаренко А.И., Борисов В.А. Глобализация лесного хозяйства. М.: Изд-во ВНИИЦЛесресурс, 2001. 400 с.
12. Шутлов И.В. О фундаменте экономической организации лесного хозяйства // Лесное хозяйство. 1996. № 3. С. 25–36.
13. Rannikko P. Village Development and Social Sustainability. In: Social Sustainability and the Taiga Model Forest. Joensuu, Finland, University of Joensuu, 1997, pp. 9–27.
14. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*, 1962, vol. 70, iss. 5, part 2, pp. 9–49. URL: <https://jstor.org/stable/1829103>
15. Баранова Н.М., Сорокин Л.В. Влияние человеческого капитала на устойчивое развитие экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 9. С. 1641–1655. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1641>
16. Волков А.Д., Козырева Г.Б., Морозов А.А. Человеческий капитал и социальный капитал в диалектике общественного развития // Управление экономическими системами. 2017. № 10 (104). URL: <http://uecs.ru/uecs-104-1042017/item/4562-2017-10-04-07-44-29>
17. Савина Т.Н. Анализ критериев оценки социально ответственного поведения бизнеса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 107–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kriteriev-otsenki-sotsialno-otvetstvennogo-povedeniya-biznesa/viewer>
18. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *The Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242–266. URL: <https://doi.org/10.2307/259373>
19. Тысячнюк М.С. Роль НПО как стратегических партнеров бизнеса в построении моделей устойчивого лесопользования // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. выпуск: Интернационализация, доверие и многоакторное управление природными ресурсами. 2010. С. 154–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-npo-kak-strategicheskikh-partnerov-biznesa-v-postroenii-modeli-ustoychivogo-lesopolzovaniya/viewer>
20. Козырева Г.Б. Социально-экономические последствия лесной политики современной России: монография. М.: Московский Общественный Научный Фонд, 2007. 248 с.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**INSTITUTIONAL ISSUES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF THE NORTHERN REGIONS OF TIMBER PRODUCTION****Galina B. KOZYREVA^{a,*}, Aleksandr D. VOLKOV^b**

^a Institute of Economics, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (IE KarRC RAS),
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation
kozyrevakrc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9303-0361>

^b Institute of Economics, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (IE KarRC RAS),
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation
kov8vol@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 570/2019
Received 26 August 2019
Received in revised form
15 September 2019
Accepted 5 October 2019
Available online
14 February 2020

JEL classification: Q23, Q58,
Q56**Keywords:** timber land,
sustainable forest management,
social sustainability, forest
certification, social capital**Abstract****Subject** The article investigates how institutions of sustainable development of timber lands originate, illustrating the case of the Republic of Karelia.**Objectives** The study evaluates substantive aspects of the developing institution of forest certification by analyzing the business behavior and the way people of forest districts of Karelia take part in forest management.**Methods** The methodological approach is based on the sustainable development concept and sustainable forest management model. We especially stress the social component, including the quality of human capital and quality of social capital. They are viewed in terms of the ability and readiness of local communities to get involved in forest management. The empirical framework relies upon the economic and sociological survey of some timber districts of the Republic of Karelia, which were conducted in 2018.**Results** Ineffective formal institutions actually fail to create an environment where people could exercise their legal rights complying with sustainability principles. Forest companies fail to meet sustainability requirements. However, they still may apply for forest certificates.**Conclusions and Relevance** The study reveals latent challenges arising from the forest certification institution. The principle of social compensation is often neglected. A forest certificate provides some guarantees for local people. As local people have negative views on environmental and socio-economic aspects of forest management and, furthermore, do not know about forest certificates as a means protecting their rights, forest certificates get less significant institutionally and the institutional mechanism for forest certification becomes distorted. The findings can be used to substantiate and outline relevant tools for a forest management policy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Kozyreva G.B., Volkov A.D. Institutional Issues and Prospects for the Development of the Northern Regions of Timber Production. *National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 2, pp. 307–325.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.2.307>

Acknowledgments

The study was carried out as part of the State job assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, *Institutions and Social Inequality during Global Challenges and Regional Constrains*, subject № 0218-2019-0090.

References

1. Morozova T.V., Kozyreva G.B., Sukharev M.V., Belaya R.V. [Depressive areas of Russia: Institutional model of development and methodological approaches for investigation]. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 1–14. (In Russ.)
URL: <http://dx.doi.org/10.15862/68EVN116>
2. Kozyreva G.B. [Institutional problems of forest areas of Russian regions]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2016, vol. 15, iss. 5, pp. 54–63.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-problemy-lesosyrievyh-territoriy-rossiyskih-regionov/viewer> (In Russ.)
3. Nikitin A.P., Chernavskaya O.D., Chernavskii D.S. [Pareto distribution in dynamical systems subject to noise perturbation]. *Trudy instituta obshchei fiziki = Proceedings of the Institute of General Physics*, 2009, vol. 65, pp. 107–123. (In Russ.)
URL: https://old.gpi.ru/trudiof/Vol_65/Nikitin.pdf
4. Hicks J.R. *Chetyre izlishka potrebitelya. V kn.: Vekhi ekonomicheskoi mysli* [The Four Consumer's Surpluses. Milestones of Economic Thought]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 1999, pp. 190–207.
5. Moiseev N.A. [On the development strategy of the forest sector of the Russian economy]. *Lesnoe khozyaistvo = Forestry*, 2008, no. 5, pp. 2–6. (In Russ.)
6. Moiseev N.A. [Forestry in Russia. What shall we expect?]. *Lesnoe khozyaistvo = Forestry*, 2012, no. 6, pp. 6–11. (In Russ.)
7. Moiseev N.A. *Lesnye otnosheniya i rentnye platezhi. V kn.: Prirodnye resursy v sisteme gosudarstvennykh finansov Rossii* [Forest relations and rental payments. In: Natural resources in Russia's public finance system]. Moscow, Russian Academy of Agricultural Sciences Publ., 2000, pp. 94–97.
8. Petrov A.P. [The economic framework of forest use in Russia through the lense of market relations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoi vestnik = Forestry Bulletin*, 2013, no. 4, pp. 42–44. (In Russ.)
9. Petrov V.N., Il'in V.A., Gavrilenko V.I. *Ekonomiko-pravovye otnosheniya v upravlenii lesami i lesokhozyaistvennom proizvodstve* [Economic and legal relations in forest management and forestry]. St. Petersburg, Forestry Academy Publ., 2003, 200 p.
10. Pisarenko A.I., Strakhov V.V. *Lesnoe khozyaistvo Rossii: ot ispol'zovaniya k upravleniyu* [Russia's forestry: From use to management]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2005, 551 p.
11. Strakhov V.V., Pisarenko A.I., Borisov V.A. *Globalizatsiya lesnogo khozyaistva* [Globalization of forestry]. Moscow, VNIITsLesresurs Publ., 2001, 400 p.
12. Shutov I.V. [To fundamentals of the forestry economics]. *Lesnoe khozyaistvo = Forestry*, 1996, no. 3, pp. 25–36. (In Russ.)
13. Rannikko P. Village Development and Social Sustainability. In: *Social Sustainability and the Taiga Model Forest*. Joensuu, Finland, University of Joensuu, 1997, pp. 9–27.
14. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*, 1962, vol. 70, iss. 5, part 2, pp. 9–49. URL: <https://jstor.org/stable/1829103>

15. Baranova N.M., Sorokin L.V. [An impact of human capital on the sustainable economic development]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 9, pp. 1641–1655. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1641>
16. Volkov A.D., Kozyreva G.B., Morozov A.A. [Human capital and social capital in the dialectics of social development]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 2017, no. 10. (In Russ.)
URL: <http://uecs.ru/uecs-104-1042017/item/4562-2017-10-04-07-44-29>
17. Savina T.N. [Criteria for evaluating social responsibility of businesses: An analysis]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2016, vol. 12, iss. 3, pp. 107–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kriteriev-otsenki-sotsialno-otvetstvennogo-povedeniya-biznesa/viewer> (In Russ.)
18. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *The Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242–266.
URL: <https://doi.org/10.2307/259373>
19. Tsyachnyuk M.S. [The role of NGOs as strategic business partners in building sustainable forest management models]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. Spetsvypusk: Internatsionalizatsiya, doverie i mnogoaktornoe upravlenie prirodnymi resursami = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2010, no. 5, pp. 154–185.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-npo-kak-strategicheskikh-partnerov-biznesa-v-postroenii-modeli-ustoychivogo-lesopolzovaniya/viewer> (In Russ.)
20. Kozyreva G.B. *Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya lesnoi politiki sovremennoi Rossii: monografiya* [Socio-economic consequences of the forestry policy in Russia today: a monograph]. Moscow, MONF Publ., 2007, 248 p.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.